

Всё началось в тот день, когда он поздравил Дэниела с победой на Гран-при в его гостиничном номере. Этот разговор, который должен был остаться между ними, подарил им странную, перекошенную связь.

Дэниел отмахивался от слов Алека о «правильном контакте» как от ерунды, но по правде говоря, тот был не так уж неправ.

Миллионеры спонсируют спортсменов по схожим причинам. Некоторые — чистые фанаты, но большинство ищет связи и престиж.

Деньги не могут купить ни престиж, ни нужные связи. Подобно тому как буржуазия подражает знати, нося шелковые шляпы и жилеты, влияние миллионера строится на связях с элитой.

Дэниел был шелковым цилиндром Алека. Больше, чем ледяная скульптура в форме лебедя или башня из шампанского, знаменитый спортсмен, представленный хозяином, усиливает статус любого приёма. Дэниел был смазкой в механизме нетворкинга Алека Уокера.

Чем выше поднимался Дэниел и чем громче становилось его имя, тем неизбежнее становился их «контакт».

И только сейчас до него дошло, насколько тяжело нести на себе такого требовательного спонсора.

Он думал, что справится с этим грузом, но его вес оказался куда труднее, чем он ожидал.

«Он правда злится?»

Дэниел уставился на журнал звонков с сложным выражением лица, затем нахмурился и раздражённо отложил ложку йогурта.

«Это нелепо. Почему я вообще об этом думаю?»

Он был грубее обычного, это да. Он действительно злился.

Но разве не лучше, если эти раздражающие звонки прекратятся?

Без отношений «спонсор — пилот» у них не было бы причин пересекаться. Дэниел мысленно повесил на «ядовитый гриб» ярлык «профессиональные отношения» и резко пролистнул список.

Прокрутка остановилась, когда он увидел один-единственный звонок от брата.

— ...

Джошуа Линдберг.

Много лет назад он отправил сообщение на новый номер Джошуа, но ответа не получил.

Он не был уверен, сохранил ли Джошуа его номер, и узнать это вот так было неожиданно. Губы Дэниела сжались.

Звонок из Монако — первый за семь лет — был настолько ужасным, что он не хотел к нему возвращаться даже мысленно. Пословица о том, что противоположность любви — равнодушие, не утешала, когда вместо этого на него вылился холодный поток ненависти.

Он понимал, что должен перезвонить, должен набраться смелости, но сделать это было сложно.

Дэниел и Джошуа были связаны и одновременно разъединены. Как кот Шрёдингера, их отношения оставались неопределёнными, пока они не заговорят.

С каждым днём присутствие Джошуа давило на него, как просроченное задание.

Настойчивые звонки Алека Уокера на время отвлекали его от этого давления, но, как шаткая башня Дженга, он не знал, за что схватиться первым.

«Сконцентрироваться на работе. Сейчас это главное».

Его путь в симулятор после ужина был обычным, но пустота, заполнявшая сердце, была невыносимой.

Жить по инерции — всё равно что ничего не трогать. Неудивительно, что в тот день он показал ужасное время.

□

Секретарь, вошедший в офис на 65-м этаже, ничем не отличался от обычного дня. Та же причёска, та же размеренная походка, тот же механический взгляд.

Следовательно, причиной резко ухудшающегося настроения Алека мог быть только он сам. Его щека едва заметно дёрнулась, пока он завершал самодиагностику.

— Вот файл по Дэниелу, как вы и просили.

Алек раздражённо взял документы у секретаря.

Дэниел Линдберг. 27 лет. Седьмой год в Формуле-1. Немецкое гражданство. На четверть кореец. Рейтинг в чемпионате прошлого года: 13-е место.

Без обложки отчёт составлял семнадцать страниц — ни много, ни мало, скорее неопределённо достаточно.

Первая страница в основном повторяла то, что он бегло просмотрел в день, когда стал спонсором Onyx Featherway. Остальное, собранное Мартином О’Нилом, описывало жизнь Дэниела вне Формулы-1. Некоторые детали он видел впервые.

Дэниел Линдберг и Джошуа Линдберг.

Братья, усыновлённые легендой Ferrari Нозлем Линдбергом и голливудской звездой Наоми Меркьюри во время их известного брака.

Кроме четверти азиатской крови, в них не было ничего особенно выдающегося. Возможно, именно поэтому папарацци больше снимали их родителей, чем самих мальчиков.

«Близнецы», — говорили они.

Они действительно были похожи. В лыжных костюмах, держащиеся за палки между ног отца, два маленьких брата были почти зеркальными отражениями — от миниатюрных фигур до пухлых щёк. Несложно было понять, что они родственники.

Но различия всё же были. Дэниел, чуть впереди, смотрел в камеру более защищающе, в отличие от более застенчивого брата. Лёгкий изгиб его брови был таким же, как сейчас.

— Отчёт. Начни с семейных связей.

— Да. Дэниел был усыновлён в рамках голливудской кампании по усыновлению. Его родители сейчас разведены и живут отдельно, но в целом семейные отношения, судя по всему, были нормальными.

— Разведены?

— Да. Пара согласилась на развод после того, как братья стали совершеннолетними. Шесть лет назад.

— Продолжай.

— В основном их воспитывал Ноэль Линдберг. Братья жили вместе в этот период, периодически встречались с Наоми Меркьюри и проводили рождественские каникулы на горнолыжных курортах.

— Социальные связи?

— Ничего примечательного. Он поддерживает контакт с несколькими знакомыми со времён юниорских серий и F3. Он не интроверт, но и не занимается активным нетворкингом.

Как и ожидалось, социальные связи оказались скудными. Быстро пробежав раздел, который был в три раза короче его списка побед, Алек резко перелистнул страницу.

Его взгляд остановился на роде деятельности Джошуа.

— Его брат ведь актёр, верно? Тот, что преодолел избирательный мутизм?

— Да. Он дебютировал в фильме *Cosmopolitan*, который собрал 380 миллионов долларов по всему миру, в роли второго плана. Что касается его дебюта...

Мартин тщательно подбирал слова.

— По слухам, он очень стремился к этой роли. Говорят, что помогло влияние его матери, но в фильме его персонаж как раз преодолевает мутизм, так что это могло сыграть роль.

— Хитро. Актёр, вероятно, тоже получил на этом хайп — идеальный дебют.

На губах Алека появилась циничная усмешка.

— И чем он сейчас занимается?

— Существенной активности нет. Он рассматривает роли в нескольких независимых фильмах.

— Тогда какого чёрта он лезет к занятому человеку вместо того, чтобы жить как бездельник?

— Простите?

— Ничего.

Это было слишком резкое «ничего», но Алек проигнорировал вздрогнувшего секретаря и перелистнул страницу.

Отчёт о Дэниеле Линдберге был достаточно подробным. Образование, политические взгляды, религиозные практики, общественная деятельность, предполагаемое состояние, криминальное прошлое — всё, что имело значение, было указано.

Но, прочитав всё до последней строки, Алек с неудовлетворением отложил папку.

Дэниел Линдберг вне Формулы-1 был абсолютно обычным человеком. Единственные запоминающиеся детали — отсутствие истории отношений и любовь к ананасовому соку.

Последнее было слегка забавным, но в остальном отчёт был ничем не примечателен. Казалось, он был рождён просто для Формулы-1.

Алек не ожидал «эврики», но даже с учётом этого отчёт оказался бесполезным.

Пустая трата времени. Закончив короткое размышление, Алек бросил папку в сторону. Мартин, его давний секретарь, инстинктивно приготовился к дальнейшим указаниям.

— Похоже, у брата довольно плохие отношения с Дэниелом.

— Подтверждённой информации об этом нет.

— Плохие. Я сам это подтвердил, значит, это точно.

Несмотря на роботизированный ответ секретаря, Алек был непреклонен.

Это было плохо — даже хуже, чем плохо. У него самого был брат, с которым он не всегда ладил, но звонить и желать смерти — это уже другой уровень.

— Я проверю это как можно скорее. Меня лично это заинтересовало, поэтому я включу это в расследование и сообщу о результатах.

— ...Что-то лично для тебя интересное?

Алек на секунду усомнился в слухе.

Мартин О'Нил был секретарём, отобранным после семи раундов замен — практически робот-пылесос. Его прежняя фраза о «личном интересе» звучала так же абсурдно, как если бы робот-пылесос внезапно начал танцевать латину.

Алек уже собирался переспросить, но остановился, заметив собственные оливково-зелёные глаза, жадно впитывающие информацию о Дэниеле Линдберге. Он коротко ответил:

— Делай что хочешь и уходи.

— Да. Могу я уточнить один момент перед уходом?

— Какой?

— Ваше присутствие на Гран-при Испании в эти выходные. Суббота — квалификация, воскресенье — гонка. Пожалуйста, сообщите, хотите ли вы приехать, и я скорректирую расписание.

— ...

Раздался отчётливый цокот языка.

Алек, который часто курил, но редко цокал языком, явно был задет. Мартин отметил, что его начальник необычно эмоционально реагирует на Дэниела Линдберга.

Ответ прозвучал после паузы:

— Я не поеду.

— Понял.

Секретарь, который не задавал вопросов дважды, сразу вышел.

Оставшись один, Алек сидел в жёстком кресле с сигаретой во рту. Вскоре едкий дым заполнил кабинет.

Была тёмная ночь. За стеклянной стеной, где жалюзи были полностью подняты из-за яркого потолочного света, мерцали городские здания и огни вертолётной площадки, растворяясь в ночном воздухе.

Но больше всего выделялась витрина в кабинете. В ней стояли две копии трофеев Дэниела Линдберга: за первое и третье место.

Первое и третье — два разных мира. Несмотря на то что оба были подиумами, кубок за первое место был почти вдвое больше.

Станным образом взгляд Алека чаще задерживался на меньшем.

— ...

Он всё ещё не понимал, что это за чувство возникло у него в груди в тот момент, когда Дэниел Линдберг с сияющей улыбкой поднимал этот маленький трофей.

Это было не просто раздражение. Дэниел начинал вмешиваться в его повседневную жизнь. Вчера ночью, рассеянно наблюдая за гонкой, Алек почувствовал странное напряжение ниже пояса — почти как вторжение.

Этот парень был невыносим, но умел вызывать и другие чувства. Пока что первое доминировало.

«Давай не будем тратить время друг друга. Хватит тратить моё».

Этот голос снова всплыл в сознании, переворачивая всё внутри. Алек грубо затушил сигарету, и раздражение смешалось с чем-то ещё.

Спорт — это соревнование, но для участников. Для зрителей — это вершина опосредованного азарта.

Для Алека, который не относился ни к одной из категорий, это было бессмысленное опьянение. Время, потраченное впустую, — вот что это такое.

Он был зол. Кем этот молодой щенок его вообще считает? Тигрёнок с едва заметными

полосами, но с дерзким рыком.

Дэниел Линдберг был инвестиционным проектом Алека Уокера. Инвестиции не должны включать эмоции. Они требуют логики и расчёта.

Но внезапно в формулу вкатился танк и просто всё смял.

Человек, который безрассудно разорвал в клочья тщательно выстроенные уравнения Алека, теперь вёл себя так, будто владеет этим местом.

И кто вообще кому тут говорит о «потере времени»?

Гнев вспыхивал периодически, но, что было забавно, каждый раз его гасил тот самый маленький трофей — за третье место.

Что в нём вообще такого?

— Не улыбайся так.

От судьбы, предначертанной богами, не убежать. Эта абсурдность и подчинение — послание греческой мифологии, неотвратимый приговор смертным.

И всё же мужчина, запутавшийся в схемах Афродиты, зажёл вторую сигарету, выливая раздражение и накопившуюся пустоту на одного-единственного человека.

Как синяя тушь, разлитая по тонкой бумаге, присутствие Дэниела Линдберга становилось всё более отчётливым и резким.

<http://bllate.org/book/17841/1719149>